

Глава 11

Стемнело окончательно. Осенний вечерний ветер, пропитанный сыростью и запахом дождя, пробирался под одежду, заставляя зябко кутаться. Мокрая палая листва плотно липла к беговой дорожке, противно чавкая и похрустывая под ногами.

Почти всех учеников уже ждали частные машины, но за Ли Жуном никто не приехал.

Он едва держался на ногах, пошатываясь от слабости. Белая шапка была натянута до самых бровей, а высокий воротник скрывал почти всё лицо, пылающее от нездорового румянца. Желаящих отвезти его в больницу нашлось немного: Линь Цинь, классный руководитель и Цэнь Сяо.

Ян Фанфан коснулась лба юноши ладонью и встревоженно воскликнула:

— Да у тебя же жар! Почему ты молчал? Как в таком состоянии можно было сдать экзамен? А если пневмония начнётся?

У неё голова шла кругом. В последнее время Ли Жун стал её главной головной болью. Раньше он был тихим, прилежным отличником, а теперь его словно подменили — не прошло и нескольких дней, а проблемы сыпались одна за другой.

Линь Цинь в волнении потирал руки. Вечером у него должны были состояться занятия по вокалу с очень редким педагогом — известным актёром мюзиклов из-за границы. Такие уроки были на вес золота и могли существенно помочь при поступлении в творческий вуз. Но и бросить старосту в таком состоянии он не мог. Ли Жун выглядел таким больным и беззащитным; уйти сейчас — значит, мучиться чувством вины всю оставшуюся жизнь.

Однако родители Линь Циня вряд ли оценили бы его преданность однокласснику. В их глазах будущее и экзамены стояли превыше всего. Они бы наверняка назвали его поступок детской наивностью и глупостью: раз рядом учитель, значит, нужно всё доверить ей.

— Я отвезу Ли Жуна в больницу, — сказала Ян Фанфан. — А вы возвращайтесь по домам, родители наверняка заждались.

Сердце Линь Циня упало. Было ясно, что учительница не позволит ему поехать с ними.

Цзянь Фу, которому всё это уже давно надоело, бесцеремонно схватил Цэнь Сяо за локоть:

— Пойдём, пойдём! Мы же договорились устроить соревнование по стрельбе. В этот раз я точно не проиграю.

Он потянул друга, но тот не сдвинулся с места. Цзянь Фу опешил.

Ли Жун тяжело дышал, его веки отяжелели, а сознание путалось, но, услышав слова Цзянь Фу, он тут же вцепился в куртку Цэнь Сяо. Ему казалось, что он приложил немало сил, но для Цэнь Сяо это было лишь слабое, едва ощутимое прикосновение. Однако этого хватило, чтобы юноша не шелохнулся.

Цэнь Сяо опустил взгляд на побелевшие кончики пальцев, судорожно сжавших его одежду, и спокойно обратился к Ян Фанфан:

— Я отвезу его. Нам по пути.

Учительница решительно возразила:

— Исключено. Я не могу перекладывать такую ответственность на ученика.

— Тогда поедем вместе. — Цэнь Сяо бесцеремонно обхватил Ли Жуну за плечи, притягивая к себе. Юноша был горячим как огонь, но его всё равно была мелкая дрожь.

На этот раз она не нашлась что ответить. Каким бы худощавым ни был Ли Жун, он всё же был парнем, и в одиночку ей было бы тяжело его удержать.

Цзянь Фу тяжело вздохнул, закатил глаза к потолку и потащил за собой Линь Циня:

— Пошли уже, чего уставился.

Его спутник с сомнением посмотрел на Ли Жуну, но был вынужден подчиниться.

Раньше Цэнь Сяо всегда возил личный водитель, но, став совершеннолетним, он отказался от его услуг и сел за руль сам. У Ян Фанфан тоже была машина, и она предложила:

— Садитесь в мою, помощи ему забраться на заднее сиденье.

Молодой человек не стал спорить и помог Ли Жуну устроиться. С неба всё ещё сыпала мелкая морось, похожая на тонкие стежки по шёлку; коснувшись лица, капли оставляли лишь едва заметные влажные следы.

Стоило Цэнь Сяо сесть рядом, как парень тяжело навалился на его плечо. Белая меховая шапка смялась у шеи Цэнь Сяо, прикрывая глаза Ли Жуну. В этой болезненной слабости была

своя странная эстетика. Из-за болей в желудке и нехватки питания его лицо обычно было мертвенно-бледным, но сейчас оно расцвело лихорадочным румянцем. Мелкие капли дождя застыли на почти прозрачных пушистых волосках его кожи, напоминая нежные лепестки персика.

Цэнь Сяо слегка повернул голову, видя лишь его изящный, прямой нос и приоткрытые губы. Резко очерченная линия челюсти выдавала истощение, но это не портило его тонкой красоты. Цэнь Сяо подумал, что если бы этот парень ел побольше, он выглядел бы ещё лучше. Но заставить его нормально питаться было сложнее, чем трёхлетнего ребёнка.

Ли Жун беззастенчиво перенёс весь свой вес на плечо соседа и вскоре, убаюканный мерным движением машины, провалился в сон. Он слишком долго не спал, и в этой тёмной, безопасной обстановке его бдительность окончательно притупилась.

Через несколько минут зазвонил телефон Ли Жуна. Он спал беспокойно: нахмурился и попытался открыть глаза. Цэнь Сяо вытащил аппарат из его тёплого кармана, мельком взглянул на экран и с ледяным лицом сбросил вызов, не спрашивая разрешения.

Это была Сун Юаньюань.

Без назойливой трели звонка Ли Жун постепенно расслабился, и его голова стала ещё тяжелее. Заметив, что веки парня больше не подрагивают, Цэнь Сяо со вздохом осторожно прикрыл ладонью его ухо. Стук капель по стеклу, шуршание шин по грязи и мерный гул двигателя — всё это осталось за пределами мира, в который погрузился юноша.

Когда они приехали, Ян Фанфан припарковала машину и поспешила к стойке регистрации, а Цэнь Сяо помог полусонному Ли Жуну добраться до палаты, чтобы дождаться анализа крови.

Ли Жун негромко закашлялся и мучительно потянул за воротник:

— Горло болит...

Цэнь Сяо, стоя у кровати, подписывал согласие на медицинское вмешательство. Услышав слабый голос, он бросил на него короткий взгляд, но промолчал. Юноша откинулся на подушки смотровой кушетки и обиженно поджал губы.

Когда Ян Фанфан оплатила счета, пришла дежурная медсестра. Ли Жун снял тёплую куртку и закатал рукав. На его тонкой руке отчётливо проступали вены. Игла вошла в кожу, и тёмная кровь побежала по тонкой трубке, наполняя пробирку.

Ли Жун безучастно смотрел, как уходит его кровь — словно вместе с ней его покидало и то

крохотное тепло, что ещё теплилось в теле. Он незаметно поднял взгляд и увидел, что Цэнь Сяо тоже смотрит на его руку, хотя лицо того не выражало никаких эмоций.

Ян Фанфан вбежала в процедурную, вытирая пот со лба.

— Результаты будут через пятнадцать минут. Если всё в норме, просто сделают жаропонижающий укол и всё.

Ли Жун слабо улыбнулся:

— Хорошо. Спасибо, учитель.

Прижимая ватку к месту укола левой рукой, он правой потянулся за телефоном. Стоило экрану загореться, как он увидел пропущенный вызов. Ли Жун удивлённо приподнял бровь. Его «маленькая девушка» была расчётливой и трусливой, но, видимо, какие-то чувства к нему у неё ещё остались. А может, прежний холодный Ли Жун не заслуживал тоски, но нынешний, с этой мягкой улыбкой, обладал особым очарованием.

— Моя девушка звонит, хочет узнать, как я, а ты берёшь и сбрасываешь, — пробормотал Ли Жун.

Цэнь Сяо прищурился и невозмутимо отозвался:

— О, и у тебя есть претензии?

Учительница, стоявшая рядом, неловко кашлянула и пробормотала:

— Школьные правила запрещают отношения между учениками...

Ли Жун немного оживился и, приподнявшись на локтях, полушутя упрекнул:

— Конечно, есть. Мы ещё не расстались. Даже если она тебе нравится, ты должен соревноваться со мной честно.

У Ян Фанфан едва не случился сердечный приступ. Она и не подозревала, что личная жизнь её учеников — такой запутанный клубок. Первый ученик в рейтинге, Ли Жун, давно крутит роман, а теперь Цэнь Сяо, занимающий последнее место, пытается увести его девушку. Их натянутые отношения из обычных соседских превратились в соперничество любовников.

— Я обязана подчеркнуть, — начала она, прочистив горло, — что школа запрещает подобные связи. Вы сейчас в выпускном классе, это решающий год, и учёба должна стоять на первом...

Цэнь Сяо усмехнулся, достал свой телефон, быстро разблокировал его и, открыв чат, небрежно бросил его Ли Жуну.

— Ладно. Возвращаю должок. Давай соревноваться честно.

Ли Жун в недоумении взял телефон. На экране была переписка с Сун Юаньюань.

[Сун Юаньюань: Привет! Мама сказала, что ты тоже придёшь на моё совершеннолетие.]

[Сун Юаньюань: Мы раньше почти не общались, хотя я часто видела тебя, когда приходила к Ли Жуну.]

[Сун Юаньюань: Цэнь Сяо, ты уже выбрал себе партнёршу для танцев?]

Ли Жун приподнял брови, в его глазах заплескали искры смеха.

— Ты ей так и не ответил? — изумлённо спросил он.

Цэнь Сяо действительно оставил сообщения без ответа. Глядя на неприкрытое веселье юноши, он холодно парировал:

— А ты как думаешь?

Ли Жун заблокировал телефон и оттолкнул его подальше.

— Как я могу копать в чужом телефоне? Это ведь так невежливо, — изрёк он с самым праведным видом.

— Хм, — хмыкнул Цэнь Сяо.

Ян Фанфан поняла, что её игнорируют самым бессовестным образом. Она хотела вставить слово, но момента для этого не находилось. Наконец Ли Жун обратил на неё внимание, но лишь для того, чтобы вежливо спровадить.

— Учитель, уже поздно, вам нужно домой, к ребёнку. Со мной побудет Цэнь Сяо. Я переведу вам деньги за приём через WeChat.

Ян Фанфан попыталась было возразить, но Ли Жун обратился к Цэнь Сяо:

— Я хотел попросить тебя об одном деле. С глазу на глаз.

— Ну, тогда я пойду... — сдалась учительница. — Звони, если что.

Когда она ушла, Ли Жун не успел заговорить — его сотряс приступ кашля. Он кашлял так сильно, придерживаясь за край кровати, что его глаза покраснели от слёз, словно он пытался выплюнуть собственные лёгкие.

Цэнь Сяо смотрел на его выступающие лопатки, и ему нестерпимо захотелось коснуться этой костлявой спины. Она вздрагивала в такт кашлю, напоминая молодой тополь под ударами бури. Ты знаешь, что это дерево росло в пустыне и привыкло к самым суровым условиям, знаешь, что этот ветер не сломит его, но всё равно не можешь не чувствовать жалости.

— Следственная группа... конфисковала компьютер моего отца, — проговорил Ли Жун прерывисто. — Сможешь присмотреть за ним... пару месяцев?

Он не решался подавать статью в отечественные журналы. Юноша не знал, кто окажется рецензентом, побоятся ли они пропускать работу за подписью Ли Цинли и как далеко простираются руки Ли Байшоу или тех, кто стоит за ним. Журналу «С нуля» требовалось минимум десять недель для публикации. Чтобы избежать лишних проблем, он должен был действовать наверняка. Сейчас единственным человеком в его окружении, способным присмотреть за «Хунсо», был отец Цэнь Сяо — председатель торговой палаты Цэнь Цин.

— Почему я должен это делать? — спросил Цэнь Сяо.

Ли Жун не собирался лгать. Поглаживая грудь, чтобы унять дыхание, он искренне посмотрел на собеседника:

— Там есть неопубликованные данные. Кое-кто в институте уже положил на них глаз. Твой отец ведь не хочет, чтобы в «Хунсо» разработали что-то сверхприбыльное и пошатнули влияние Объединённой палаты?

Цэнь Сяо спокойно ответил:

— Ты ведь понимаешь, что мне придётся просить Цэнь Цина.

— Знаю.

Ли Жун понимал, что у нынешнего Цэнь Сяо ещё нет полномочий распоряжаться ресурсами палаты. Он знал и то, что отношения Цэнь Сяо с родителями были скверными, а в будущем и вовсе приведут к окончательному разрыву. Просить Цэнь Цина для него было действительно тяжело.

Цэнь Сяо вдруг усмехнулся:

— Вот значит как. А я-то гадал, как можно было так сильно разболеться всего за один день дома.

Веки Ли Жуна непроизвольно дрогнули. В прошлой жизни он много раз восставал против Цэнь Сяо. Самый острый конфликт случился в ту ночь, когда Сун Юаньюань публично призналась Цэнь Сяо в любви — Ли Жун тогда приставил пистолет к его лбу. К сожалению, он не умел стрелять и упустил момент: Цэнь Сяо выбил оружие из рук.

Тогда же он случайно обнаружил: если он причиняет вред себе, Цэнь Сяо идёт на уступки. В тот раз его проектная группа разработала новый коагулянт для пациентов с нарушением свёртываемости крови. Препарат в виде спрея позволял мгновенно остановить кровотечение при несчастном случае, действуя даже эффективнее естественных тромбоцитов. Ли Жун, будучи членом группы, решил испытать его на себе.

В тот день они с Цэнь Сяо были в ссоре, и он не стал ничего объяснять. Просто сел в спальне и с холодным лицом полоснул себя ножом по руке. И тогда он впервые увидел Цэнь Сяо в полной растерянности. Ли Жун воспользовался моментом и потребовал разрешить ему пожить в общежитии месяц. Цэнь Сяо согласился.

Использовать чужую жалость было подло, но действительно. Поэтому, закончив черновик, Ли Жун набрал в ванну холодной воды, просидел в ней, дрожа от холода, целый час, а потом стоял у открытого окна под ледяным предрассветным ветром. Организм не подвёл: не прошло и полдня, как он слёг.

Цэнь Сяо сделал шаг вперёд и резким движением задернул синюю занавеску, полностью отрезая кровать Ли Жуна от остальных пациентов. Они оказались заперты в тесном пространстве.

Его взгляд потемнел, он стиснул зубы, сдерживая рвущийся наружу порыв. Он заговорил вполголоса, и в его тоне сквозила прохлада:

— Ты меня просчитал.

Ли Жун, осознавая свою вину, прикусил губу. Он протянул руку — ту самую, с которой только что брали кровь, со свежим следом от иглы и начинающим синеть синяком, — и мягко прижал ладонь к груди Цэнь Сяо, прямо над сердцем.

— Я виноват, — прошептал он. — Больше так не буду. Помоги мне. Один-единственный раз.

Он был слишком умён и точно знал, когда стоит подлизаться, а когда — искренне извиниться.